

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том X, часть 1

Санкт-Петербург
«Наука»
2014

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

COLLOQUIA
CLASSICA ET INDOGERMANICA
VI
STUDIES IN MEMORIAM
LEONHARD G. HERZENBERG

St. Petersburg
«Nauka»
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

COLLOQUIA

CLASSICA ET INDOGERMANICA

VI

ПАМЯТИ

ЛЕОНАРДА ГЕОРГИЕВИЧА ГЕРЦЕНБЕРГА

Санкт-Петербург

«Наука»

2014

УДК 80/81

ББК 81.2

А 38

Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI. Памяти Л. Г. Герценберга /
Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. – 910 с. (ACTA
LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических
исследований РАН. Т. X. Ч. 1)

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-038227-5

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),

PhD Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен (Нидерланды, Амстердамский ун-т),

чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,

д. филол. наук М. Д. Воейкова, чл.-корр. РАН Е. В. Головкин,

PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго),

к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),

д. филол. наук С. А. Мызников,

д. филол. наук, проф. В. И. Подлеская (Москва, РГГУ),

PhD Prof. J. Russel / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т),

д. филол. наук, проф. В. С. Храковский,

Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор),

к. филол. наук Н. А. Бондарко, д. филол. наук А. В. Грошева,

к. филол. наук Е. Р. Крючкова, академик РАН И. М. Стеблин-Каменский,

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

РГНФ – грант № 13-04-00023а (рук. Н. Н. Казанский)

и Президента РФ – грант № НШ-2417.2014.6

«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»

(рук. Н. Н. Казанский)

Статьи посвящены памяти Л. Г. Герценберга и связаны с проблемами индоевропейского сравнительно-исторического языкознания, классической филологии, изучения литературных языков Европы и истории языкознания.

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-038227-5

© Коллектив авторов, 2014

© ИЛИ РАН, 2014

К. Н. Лемешев

НАИМЕНОВАНИЯ ФИГУР ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РИТОРИКЕ М. В. ЛОМОНОСОВА¹

Наименования фигур предложения в Риторике М. В. Ломоносова представлены исключительно русскими лексемами, однако в большинстве случаев они являются точными соответствиями исходным греческим и латинским терминам, представляют собой кальки или лексические эквиваленты последних и встречаются в доломоносовских (церковнославянских) переводах европейских риторических трактатов. Тем не менее, некоторые наименования отклоняются от этого традиционного принципа номинации. В статье рассматриваются возможные причины данного явления.

Ключевые слова: Ломоносов, русский литературный язык 18-го века, историческая терминология, риторика, фигуры предложений.

Системной особенностью «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова² в области номинации риторических фигур является использование исключительно русских наименований. Это отличает Риторику 1748 от предшествующих восточнославянских риторик, в которых наряду со славянскими лексемами для обозначения фигур употреблялись оригинальные иноязычные, греческие или латинские, термины – или в транслитерированной форме, или в написании оригинального текста, с которого был сделан перевод. Причем зачастую иноязычные лексемы выступали в качестве основных, первых наименований, а славянская лексема – в качестве глоссы исходного термина.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова» (грант РГНФ № 12-04-00109, руководитель – проф. П. Е. Бухаркин).

² Для обозначения двух риторических трактатов М. В. Ломоносова – «Краткого руководства к риторике» (1744) и «Краткого руководства к красноречию» (1748) мы используем следующие сокращения: Риторика 1744, первая Риторика и P1 – для «Краткого руководства к риторике»; Риторика 1748, вторая Риторика и P2 – для «Краткого руководства к красноречию». Рукопись «Краткого руководства к красноречию», датированная 1747 г. и содержащая варианты, не вошедшие в окончательный текст, обозначается как Рук 1747. Кроме того, для обобщенного указания на эти тексты мы пользуемся названием Риторика (с заглавной буквы и без указания года). Тексты приводятся по публикации 1952 в академическом Полном собрании сочинений с указанием номера тома, см. (Ломоносов 1952 VII).

Напротив, в Риторике Ломоносова употребляются только русские номинации, и даже в тех случаях, когда для обозначения фигуры используются два наименования, оба эти наименования представлены русскими лексемами.

Описание этих номинаций и выявление причин, обусловивших унификацию русских наименований, является важной и актуальной задачей, которая, насколько можно судить, еще не получила окончательного решения. Несколько наименований представляют здесь особый интерес.

В «Кратком руководстве к красноречию» 1748 г. Ломоносов различает и отдельно описывает тропы и фигуры, а среди фигур выделяет две группы – фигуры речений (то есть, фигуры слов – в соответствии с современной терминологией) и фигуры предложений. Эти группы представлены и в «Кратком руководстве к риторике» 1744 г., (названы они там по-другому: первая группа не имеет самостоятельного названия, а фигуры второй группы называются *фигурами слова*). Это разделение восходит к античной риторике и сохраняется до сегодняшнего дня. Самой многочисленной является группа фигур предложений (*figurae sententiarum*). В первой Риторике их 14, во второй Риторике – 26. Все фигуры, представленные в P1, описаны и в P2, таким образом, в обеих Риториках 14 общих фигур. В 8 случаях их наименования (или одно из наименований – в случае двойной номинации) совпадают: *определение, вопрошение, указание, сообщение, уступление, вольность, заятие, восклицание*. В 6 – наименование фигуры в P1 не совпадает с наименованием P2, и особый интерес представляют следующие случаи (в приведенных парах первым указывается наименование Риторике 1744): *прекращение* → *умолчание, перерыв; разговор* → *заимословие; удержание, одержание* → *умедление; оставление* → *прохождение*. В этих изменениях проявляется связь между номинацией и дефинитивной частью описания фигуры и целью настоящей статьи является выявление и описание характера и особенностей этой связи.

Номинации Ломоносова сопоставляются с наименованиями, представленными в предшествующих церковнославянских риториках. Это Риторика 1620 г., изученная и опубликованная В. И. Аннушкиным (Аннушкин 2006), сочинение Софрония Лихуда «О риторической силе» в церковнославянском переводе Козьмы Афоноверского (1698 г.) и церковнославянский перевод риторики Иоанникия Лихуда (1716), риторика Михаила Усачева (1699 г.), риторика Козьмы Афоноверского (1710 г.) и

«Рука риторическая» Стефана Яворского в переводе на «словенский» Федора Поликарпова (1705 г.) (Аннушкин 2003: 84–171). Цитаты и наименования из этих текстов приводятся по спискам и изданиям, указанным в конце статьи в разделе «Источники».

Прямых свидетельств того, что Ломоносов пользовался ими во время работы над своими трактатами нет. Не исключено, что о некоторых из этих текстов он ничего не знал. Однако их данные необходимо учитывать при изучении риторической терминологии независимо от того, являлись они источниками Ломоносова или нет. Дело в том, что все эти церковнославянские тексты являются переводными. И номинации, представленные в них, могут являться не индивидуальным переводческим решением *ad hoc*, но отражать определенный переводческий узуз, который мог иметь относительную устойчивость и поддерживаться – в том числе в учебном процессе. За неимением достаточных данных мы не можем представить себе детали этого процесса, однако отсутствие в России 17 века системы образования в современном понимании этого термина не означало отсутствие учебной практики и традиций, соответствующих задачам эпохи. И словоупотребление этих переводных текстов могло фиксировать неизвестные нам, но известные переводчикам и книжникам того времени лексические конвенции, которые могли сохранять свою актуальность – независимо от текстов, в которых они реализовывались – вплоть до середины 18 века. При таком подходе материал церковнославянских риторик выполняет функцию своего рода словаря, иноязычная часть которого представлена текстом латинского или греческого оригинала, если он известен. В дальнейшем для обобщенного указания на эту группу текстов мы будем пользоваться наименованием «церковнославянские риторик» или сокращенным обозначением РитРЦ³.

Номинации и текст Ломоносова сопоставляется также с текстом нескольких западноевропейских риторик, указанных еще А. С. Будиловичем и М. И. Сухомлиновым в качестве наиболее вероятных источников Риторик. Это латинские трактаты Франсуа-Антуана Помея, Николя Коссена и немецкая риторика Иоганна-Кристофа Готшеда. Мы дополняем этот список греческой риторикой Софрония Лихуда (ее церковнославянский перевод входит в группу РитРЦ). Необходимость

³ Цитаты и наименования из церковнославянских текстов приводятся в упрощенной орфографии.

привлечения данного текста определяется той большой ролью, которую играли братья Лихуды в культурном строительстве конца 17 – первой половины 18 века.

Имя Ломоносова с именами греческих учителей связывает прежде всего Славяно-греко-латинская академия – первое высшее учебное заведение России, основанное в Москве в 1685 г. уроженцами Кефалинии (Фонкич 1988: 61). И хотя ко времени зачисления в академию Ломоносова эпоха Лихудов уже закончилась, заложенные ими традиции могли сохраняться. Основания для такого суждения дают источники. Появившиеся в последние десятилетия исследования, посвященные начальному периоду истории Славяно-греко-латинской академии и деятельности братьев Лихудов⁴, убедительно показывают, что Иоанникий и Софроний были не просто книжниками и богословами, высокообразованными представителями православной греческой культуры, но еще и «опытными педагогами, докторами Падуанского университета, «учителями высоких наук» (Фонкич 2001: 29), знающими систему европейского высшего образования и принципы устройства высших школ. Эти знания были использованы ими для организации Славяно-греко-латинской академии, они «ввели в России западноевропейскую систему высшего образования в том виде, как ее восприняла греческая православная традиция» (Рамазанова 2003: 200). Их педагогические способности проявлялись не только в сфере организации учебного дела, но и в практике преподавания, в том, как они излагали отдельные трудные вопросы академических курсов в своих учебниках, см., например, тонкие наблюдения А. Ф. Михайловой и Д. А. Яламаса над особенностями описания количества гласных в «Поэтике» Лихудов (Михайлова 1997: 77–78; Яламас 2001: 188), а также над стихотворными примерами, образующими две группы с четким и дидактически обоснованным соотношением: отдельные строки из античных авторов с указанием размера – как образец, и стихи самих ученых братьев (полные тексты на религиозные и исторические темы без указания размера) – как реализация античного образца (Михайлова 1997: 78–79). Все это говорит о европейских традициях и высоком уровне

⁴ Прежде всего здесь надо назвать работы Б. Л. Фонкича, Д. А. Яламаса, И. А. Вознесенской, И. Л. Григорьевой, А. Ф. Михайловой, Д. Н. Рамазановой и Н. В. Салоникова (Фонкич 1988, 2000, 2001, 2009; Яламас 1992, 2001; Вознесенская 2004, 2007; Григорьева 2012; Григорьева, Салоников 2001; Михайлова 1997; Рамазанова 2003, 2007, 2008, 2014; Салоников 2010).

образования в первой российской высшей школе. Созданное братьями Лихудами продолжало существовать за пределами деревянных келий Богоявленской школы и каменных стен Заиконоспасского монастыря – в «духовном измерении» русской культуры. Свидетельство тому – рукописи сочинений основателей Славяно-греко-латинской академии, которые продолжали переписывать, а значит, внимательно читать. Все это в полной мере относится и к «Риторике» Софрония, предназначенной для преподавания в высших классах Академии (Яламас 2001: 195)⁵. Таким образом, указанные выше латинские и немецкий трактаты, а также риторика Софрония Лихуда образуют круг текстов, с которыми Ломоносов мог ознакомиться еще будучи студентом (сначала Славяно-греко-латинской академии, а затем Марбургского университета) и которые могли отразиться в его Риторике. В дальнейшем для обобщенного указания на эту группу текстов мы будем пользоваться наименованием «риторики-источники».

Кроме того, по мере необходимости мы привлекаем также материал двух текстов, которые можно назвать базовыми для европейской риторической традиции – анонимную «Риторику к Гереннию», и «Наставления оратору» Марка Фабия Квинтилиана.

Еще одна группа источников, которые мы используем для сопоставлений терминов, объединяет иноязычно-русские словари. Это, во-первых, Лексикон Федора Поликарпова (ЛП), который, хотя и отстоит на несколько десятилетий от времени написания Риторике Ломоносова, тем не менее, важен своей греческой частью. Во-вторых, связанные с академической лексикографической традицией Вейсманнов Лексикон (ВЛ) и Лексикон Христофора Целлария (ЛЦ), отражающие актуальный для Ломоносова, сотрудника Петербургской Академии и коллеги составителей данных словарей, переводческий узус⁶. В дальнейшем для обобщенного указания на эту группу иноязычно-русских словарей мы будем пользоваться сокращенным обозначением ИнСл.

⁵ Греческий текст риторики Софрония мы приводим по списку собрания Санкт-Петербургской Духовной академии РНБ Б. II. 10 с указанием номера листа по старой чернильной пагинации.

⁶ Особо отметим, что мы привлекаем не только точные лексические соответствия, но и однокоренные слова, то есть те случаи, когда искомое соответствие возникает между корневыми морфемами при различии аффиксальных. То же относится и к соответствиям в церковнославянских текстах.

Прежде чем перейти к анализу материала сделаем еще одно замечание по поводу терминологии, которую мы используем в нашей работе. Поскольку названия риторических фигур имели варианты еще в античности, а церковнославянские переводы и Риторика Ломоносова увеличили количество этих вариантов уже в ином языковом материале, при описании текстов Ломоносова возникает опасность смешения наименований – наименования фигуры в конкретном источнике и наименования фигуры вообще. Во избежание этого смешения для обозначения риторических фигур в нашей работе при цитировании мы воспроизводим написание оригинала – русского, латинского или греческого, но когда речь идет о фигуре вообще, безотносительно к конкретным источникам, используем их латинские или греческие транслитерированные названия⁷. В качестве исходных берутся варианты греческих и латинских терминов, которые, с одной стороны, являются наиболее распространенными, а с другой – соотносятся с наименованиями в Риторике Ломоносова. Если необходимо употребить греческое название фигуры, мы передаем его латиницей, как это имеет место и во многих латинских риторических трактатах, но в точных цитатах сохраняем греческий текст оригинала. Таким образом, в нашей статье речь идет о фигурах апосиопеза, сермоциация, суспензия и претерия, которым в Риторике Ломоносова соответствует 10 наименований: апосиопеза – *прекращение, скрывание, умолчание и перерыв*; сермоциация – *разговор и заимословие*; суспензия – *удержание и замедление*; претерия – *оставление и прохождение*.

Апосиопеза

Апосиопезой называется эмфатический обрыв высказывания или неявно выраженная мысль, которая остается не высказанной до конца, ср.: Москвин 2007: 782; Хазагеров 2009: 168. Для обозначения данной фигуры Ломоносов использует лексемы *прекращение* (в Р1), *умолчание* и *перерыв* (в Р2, в составе парной номинации *умолчание или перерыв*). Необходимо также учитывать зачеркнутый вариант Рук 1747 *прекращение и скрывание*. Из этих наименований только *умолчание* засвидетельствовано в РитРЦ: точное соответствие находим в риториках Софрония

⁷ Примеры употребления таких транслитерированных наименований можно найти и в современных справочниках по риторической терминологии, см. например: Москвин 2007, Хазагеров 2009.

Лихуда (как перевод греческого ἀποσιώπῆσις), и Стефана Яворского, однокоренная лексема *умолкнение* представлена у Козьмы Афоноиверского (как перевод ἀποσιώπῆσις оригинала – риторики Скуфоса). В риториках-источниках фигура имеет названия *aposiopesis*, *reticentia* и *parasiopesis*: *aposiopesis* – у Коссена, Помея, Готшеда и у Софрония Лихуда; *reticentia* – у Коссена, Помея и Готшеда; *parasiopesis* – только у Коссена. Лексемы *умолчание* (P2) и *скрытие* (Рук 1747) передают значение данных иноязычных терминов, при этом *умолчание* является их калькой⁸. Материал ИнСл подтверждает соответствие между этими иноязычными терминами и русской лексемой *умолчание*:

- (1) ЛП 172 об.: Молчание, σιγή, ἀφασία, **σιωπή**, **taciturnitas**, **silentium**.
ЛЦ 339: **Taceo** молчу; **Conticeo** умолкаю Ich schweige still.
ВЛ 684: Verschweigen, **tacere**, умолчати, премолчати, утаити; язык закусити.

Соответствия *aposiopesis*, *reticentia*, *parasiopesis* = *скрытие*, *скрывать* не подтверждаются материалами ИнСл. Однако для *reticentia* его косвенным подтверждением можно считать словарные статьи с *утаить*, *утаевать* в русской части, поскольку по данным тех же словарей *утаити* и *скривати* могли выступать в качестве синонимов:

- (2) ЛЦ 339: **Reticeo** утаеваю Ich verschweige.
И при этом:
ВЛ 673: Verheelen, celare, occultare, таити, **утаити** .. **скривати**, **укривати**.

В отличие от наименований *умолчание* и *скрытие* слова *перерыв* и *прекращение* в РитРЦ не встречаются и по данным ИнСл соответствиями для иноязычных *aposiopesis*, *reticentia* или *parasiopesis* не являются. Однако расширение сопоставительного материала позволяет найти точные соответствия и для них.

Латинские термины, которые могли быть переведены русскими лексемами *прекращение* и *перерыв*, представлены в «Риторике к Гереннию» и в трактате Квинтилиана «Наставления оратору»: в первой для обозначения данной фигуры используется термин *praecisio*, а в перечне терминов, которые приводит Квинтилиан встречается наименование *interruptio*. Возможность

⁸ Скорее всего, калькой наиболее распространенного и представленного как в греческих, так и в латинских текстах термина *aposiopesis*.

перевода терминов *praecisio* и *interruptio* на русский с помощью лексем *прекращение* и *перерыв* подтверждается данными ИнСл:

(3) ЛЦ 34: Praecido. Урезаваю, **прекращаю**, пресекаю. Schneide ab, verkürzte.

ЛЦ 285: Interrumpo. **Перерываю**, разрываю. von einander reissen.

Еще одно возможное объяснение появления лексем *прекращение* и *перерыв* среди обозначений данной фигуры можно найти в дефинициях данной фигуры в риториках-источниках. В трактатах Помея и Готшеда в формулировках определений используются выражения, которые передают значение прекращения речи. Подробный анализ этих дефиниций будет дан чуть ниже, здесь же мы ограничимся тем, что приведем эти словосочетания:

(4) *sermo abrumptur* ‘речь прерывается’ (Pomey: 127).

man ... mitten in der Rede ... abbricht ‘речь прерывается’ (Gottsched: 289).

Словарные соответствия подтверждают возможность перевода глаголов *abrumpro* и *abbrachen* с помощью русских лексем *перервать* и *прекратить*:

(5) ВЛ 1: Abbrechen .. den Faden **abbrachen**, **abrumper** filum, нитку **перервати**; die Rede **abbrachen**, finem dicendi facere, слово **прекратити**, окончити.

Для *abrumpro* см. также пример № 3, s.v. Interrumpo.

Таким образом, все наименования (включая зачеркнутые варианты Рук 1747), употребленные Ломоносовым для обозначения апосиопезы в текстах Риторики, восходят к терминам и словоупотреблению предшествующей традиции: *умолчание* представлено в РитРЦ и соответствует греческим и латинскому терминам *aposiopesis*, *parasiopesis*, *reticentia*, к этому же кругу соответствий относится *скрытие*; *прекращение* соответствует латинскому *praecisio*, *перерыв* – *interruptio*. Кроме того, источником наименований могли быть дефиниции некоторых риторик-источников, содержащие лексемы, перевод которых также дает искомые русские соответствия.

Нам важно было показать и подчеркнуть многослойную надежность и достоверность объяснений, которые можно построить на материале предшествующих риторик. Потому что эта надежность и достоверность не приводят в данном случае к содержательной полноте описания, хотя и позволяют более

точно определить специфику ломоносовских номинаций. Связана она, однако, не с лексическим составом наименований, а с их соотношением, их «движением» в текстах Ломоносова. Приведем определения Ломоносова из первой и второй Риторик:

(6) P1: *Преращение есть ежели кто во изображении какой-нибудь страсти разума речи своя не окончит* (Ломоносов 1952 VII: 61).

P2: *Умолчанием или перерывом называется неоконченный разум в слове, по котором другой начинается* (Ломоносов 1952 VII: 277).

Прежде всего следует отметить изменение количества наименований: в P1 используется одна лексема (*преращение*), в Рук 1747 появляется парное наименование (*преращение* и *скрытие*), и эта парность (с заменой компонентов) сохраняется в P2 (*умолчание* или *перерыв*). Такая парность в обозначении фигур в целом не характерна для Ломоносова. Правда, в P2 количество парных наименований возрастает, однако и там они составляют меньшинство.

Употребление двух наименований имеет место в некоторых РитРЦ: в риторике Софрония Лихуда находим пару *апосиописис* или *умолчание*, у Иоанникия – *апосиописис* *сиречь молчание*, у Козьмы представлено аналогичное сочетание *апосиописис*, *умолкнение*. Как видим, в данных случаях двойная номинация возникает как результат глоссирования текста, и русская глосса передает значение исходного греческого термина.

Употребление двух вариантов названия в одном контексте характерно и для риторик-источников:

(7) *Aposiopesis. Reticentia* (Caussin: 382); *Reticentia ... ποσιώπεισις Graece dicta* (Pomey: 128); *Aposiopesis, oder Reticentia* (Gottsched: 289).

Как следует из примеров, в данном случае эти тексты обнаруживают своего рода параллелизм с церковнославянскими риториками: парное наименование обусловлено использованием разноязычных лексем с одинаковым значением.

Особая ситуация представлена в тексте Квинтилиана, в котором один из четырех употребленных терминов, а именно *interruptio*, не входит в семантическую группу, образуемую другими тремя наименованиями с базовым значением ‘умолчание’.

- (8) *Aposiopesis, quam idem Cicero reticentiam, Celsus obticentiam, nonnulli interruptionem appellant, et ipsa ostendit adfectus* (Quint. Inst. IX, 2, 54).

‘Апосиопеза, которую Цицерон называет reticentia, Цельс – obticentia, а многие – interruptio, изображает страсти’.

Впрочем, это терминологическое разнообразие обусловлено характером контекста: целью Квинтилиана в данном случае было дать некую сводку известных ему терминов, отсюда их количество и форма подачи – четыре термина с указанием (Cicero, Celsus) или без указания источника.

В отличие от Квинтилиана Ломоносов не ставил перед собой задачи сведения воедино наименований из различных риторик, а описание апосиопезы в Риторике Ломоносова, (несмотря на совпадение начальной части дефиниции Р1 и дефиниции «Наставлений к оратору», см. примеры № № 6 и 8, в которых цель фигуры определяется как изображение страстей) достаточно далеко отстоит от описания Квинтилиана и не может соотноситься с ним как с непосредственным источником.

Как видно из примеров, особенностью ломоносовских номинаций апосиопезы, отличающих их от номинаций РитРЦ и всех риторик-источников, является несинонимичность компонентов парного наименования.

Осознанность данного принципа номинации хорошо заметна при сопоставлении Рук 1747 и Р2. Как уже было сказано, именно в этом тексте появляется двойная номинация. Ломоносов зачеркивает вариант Рук 1747, однако сохраняет неизменным сам принцип парности, заменяя лишь лексические компоненты, которые в семантическом плане соотносятся так же, как компоненты первоначального варианта: *скрытие : прекращение = умолчание : перерыв*.

В описании фигуры у самого Ломоносова нет каких-либо комментариев по поводу двойной номинации. Чтобы понять причины ее использования, рассмотрим подробно дефиниции апосиопезы в риториках-источниках, Риторике к Гереннию и трактате Квинтилиана.

В Риторике к Гереннию используется следующее краткое определение:

- (9) *Praecisio est cum dictis quibus reliquum quod coeptum est dici relinquitur inchoatum* (Rhet. Her. IV, 41).

‘Praecisio имеет место, когда, после того как нечто было сказано, оставшаяся часть, о которой начали говорить, остается’.

незаконченной’ (в тексте букв. «оставшаяся часть ... остается начатой»).

Значение ‘прекращение речи’ выражено термином, а в тексте определения – описательным оборотом *reliquum quod coeptum est dici relinquitur inchoatum*, который можно считать перифразой сочетания «прекращенная речь».

В риторике Помея находим следующую формулировку:

- (10) *Reticentia eadem ferme figura est, quae Praeteritio, ποσιώπεις Graece dicta; cum scilicet, dictis quibusdam, sermo abrumpitur; neque perficitur, quod dici coeptum erat* (Pomey: 128).

‘Ретиценция – фигура, очень похожая на претерицию, называемая по-гречески апосиопезой; она имеет место, когда, после того как нечто было сказано, речь прерывается, и не оканчивается то, о чем начали говорить’.

Это определение основано на краткой дефиниции Риторики к Гереннию, что подтверждается и почти дословными совпадениями (*dictis quibusdam* и *quod coeptum est dici* в Rhet. Her. соответствуют у Помея *quod dici coeptum erat*) и сходством общего смысла. Важно отметить, что в тексте Помея эта мысль развита: 1) появляется уточняющее добавление *sermo abrumpitur*, которое, собственно, и выражает значение прекращения речи. Отметим в связи с этим, что наименование фигуры в «Риторике к Гереннию» (*praecisio*) в большей степени соответствует этому значению, чем наименование в риторике Помея (*reticentia, aposiopesis*), ставшее, по-видимому, уже к тому времени наиболее распространенным; 2) изящная перифраза *reliquum quod coeptum est dici relinquitur inchoatum* заменяется более простым и ясным *neque perficitur, quod dici coeptum erat*.

Определение Готшеда продолжает ту же «линию» дефиниций, восходящих к Rhet. Her.:

- (11) *Aposiopesis, oder Reticentia. Wenn man den Anfang macht, etwas heraus zu sagen: Aber mitten in der Rede inne hält und abbricht* (Gottsched: 289).

‘Апосипеза, или ретиценция. Когда начинают о чем-то говорить, но внезапно останавливаются и прерывают речь’.

Здесь также можно обнаружить совпадения с дефиницией Риторики к Гереннию и Помея: оборот со значением начала речи *quod coeptum est dici* соответствует придаточному предложению *wenn man den Anfang macht, etwas heraus zu sagen*.

Представлены в немецком тексте и черты, совпадающие только с текстом Помея: лексическое выражение получает значение прекращения речи (*man mitten in der Rede hält und abbricht*), но наименование (*Aposiopesis, oder Reticentia*) не связано с этим элементом дефиниции.

При этом ни у Помея, ни у Готшеда, как мы видели, в дефинициях нет лексем со значением молчания, сокрытия или утаения информации: все сделанные добавления и изменения находятся в поле значения ‘прекращение речи’.

Данное значение, непосредственно мотивирующее номинации *aposiopesis, parasiopesis* и *reticentia*, оказывается выраженным в формулировках трактатов Коссена и Софрония Лихуда. Коссен приводит дефиниции из трактатов Рутилия Лупа «*Schemata lexeos*» и Акилы Римлянина «*De figuris sententiarum et elocutionis*» и сохраняет их термины.

- (12) *Parasiopesis. Hoc schema est, cum aliquid nos reticere dicimus, et tamen tacitum intelligitur. Et hoc utendum est, cum aut notam rem esse auditoribus arbitramur, aut suspicionem excitare maiorem reticendo possumus.* (Caussin: 403).

Это почти дословное воспроизведение дефиниции Рутилия Лупа см.: RLM 1863: 18.

‘*Parasiopesis.* Эта фигура имеет место, когда мы говорим, что о чем-либо умалчиваем, и тем не менее умолчанное понимается. Ее следует употреблять, когда мы считаем, что ситуация известна слушателям или когда мы можем, умалчивая, подвести самих слушателей к догадке, что усилит воздействие нашей речи (букв. когда мы можем, умалчивая, вызвать большую догадку)’.

- (13) *Aposiopesis. Reticentia, cum intra nos suprimimus ea quae dicturi videmur, quod aut turpia, aut invidiosa, aut alioquin nobis gravia dictu sunt* (Caussin: 382).

Это дословное, с незначительными расхождениями, воспроизведение дефиниции Акилы Римлянина, см.: RLM 1863: 24.

‘*Апосиопеза.* Ретиценция, когда мы скрываем в себе то, что вроде бы собирались сказать, потому что это или непристойно, или вызывает ненависть, или по какой-то причине говорить об этом для нас затруднительно или неприятно’.

В риторике Софрония Лихуда воспроизводится определение Акилы в переводе на греческий:

- (14) Ἡ ἀποσιώπεις εἶναι ἓνα σχῆμα, τὸ ὁποῖον γίνεται ὅταν ἀνάμεσον μᾶς κρίβωμεν ἐκεῖνα, ὁποῦ μᾶς φαίνεται ὅτι μέλλωμεν νὰ τὰ εἰποῦμεν. διότι εἶναι βαρυὰ νὰ τὰ εἰποῦμεν ἡμεῖς ἢ αἰσχρὰ ἢ φθονερά (SR: 71 об.); русский перевод см. выше, при примере № 13 из Коссена.

Однако в греческом тексте есть одно важное разночтение. Полисемия латинского *suprimimus* уточняется греческим κρίβωμεν, которое свидетельствует об актуальности в данном контексте значения ‘утаение, скрывание’, непосредственно соотносящегося с одной из ломоносовских номинаций.

Отметим, что и в этой серии дефиниций все формулировки находятся в одном исходном поле значения ‘сокрытие, воздержание от сообщения информации’, которое передается глаголом *suprimo*, при этом значение ‘прекращение речи’, характерное для определений Риторике к Гереннию, трактатов Помея и Готшеда в них никак не выражено.

Таким образом, определение апосиопезы в историческом плане оказывается представленным двумя сериями содержательно непересекающихся дефиниций, основанных на двух различных значениях, имеющих лексическое воплощение в формулировках: 1) значении ‘прекращение речи’ и 2) значении ‘умолчание об информации’. Однако использование дефиниции при этом никак не связано с выбором наименования в риториках-источниках: в обеих сериях представлены только синонимичные *reticentia*, *parasiopesis* и *aposiopesis*. Отличие Риторике Ломоносова от риторик-источников заключается в том, что только у него эти разные значения, организующие две разные серии определений, оказываются зафиксированными на уровне терминологического обозначения.

Поскольку в материале рассмотренных источников отсутствуют примеры бинарных формул, аналогичных ломоносовским, то есть состоящим из несинонимических компонентов, мы можем предполагать, что в данном случае имеет место осознанное отступление от традиции. Определения самого Ломоносова (см. пример № 6) не выражают значения ‘сокрытие, воздержание от сообщения информации’, на котором основана вторая серия дефиниций (примеры №№ 12–14). Ломоносову, читателю Коссена (а, возможно, и риторике Софрония Лихуда, в которой значение ‘скрывание’ оказалось актуализированным), был известен этот семантический компонент в описании фигуры. Ломоносов фиксирует это на уровне наименования. Содержательная двухаспектность апосиопезы оказывается здесь терминологи-

чески выраженной двумя взаимодополняющими лексемами, а термин, по сути дела, становится средством описания риторической фигуры.

Сермоцинация

Сермоцинацией называется имитация чьей-либо речи от первого лица или изображение диалога (или полилога) с другими лицами, ср.: Москвин 2007: 675; Хазагеров 2009: 304. Для обозначения данной фигуры Ломоносов использует лексемы *разговор* (в Р1) и новацию *заимословие* (в Р2). Из этих наименований только *разговор* имеет соответствие в РитРЦ – однокоренная лексема *разговорение* используется в Риторике 1620, где она является переводом *sermocinatio* латинского оригинала Лоссия. В других РитРЦ употребляются греческое наименование диалогисмос, его транслитерация и перевод – лексема *размышление*. В риторике Софрония: *Διαλογισμός*. *Диалогисмос* или *Размышление*; в риторике Козьмы: *Диалогисм*, *Размышление*. Употребление данного термина соответствует дефинициям фигуры в данных источниках, в которых есть словосочетания, описывающие именно процесс размышления, см., например, определение фигуры у Софрония:

- (15) *Διαλογισμός*. *Диалогисмос* или *Размышление*, есть начертание еже бывает, тако, егда кто сам себе разглагольствует, и **вращает помышление**, что сотворит, или что сотворително мнит, или сам себе глаголет, или мнози вводятся купно глаголющии (Риторика Софрония: 44 об.).

В иноязычных риториках-источниках данная фигура имеет названия *sermocinatio* (у Коссена, Помея и у Готшеда) и *dialogismos* (у Коссена, Помея и Софрония Лихуда).

Материал ИнСл подтверждает соответствия в парах *dialogismos* – *размышление* и *sermocinatio* – *разговор*:

- (16) ЛП 275: Размышление, *ἀναλογισμός*, *διαλογισμός*, *διανόημα*, *διανόησις*, *animaduersio*, *reputatio*, *existimatio*, *deliberatio*.
 ЛП 273: Разглагольствую ... *διαλέγομαι*, *disputo*, *differo*, ***sermocinor***.
 ЛЦ 306: **Sermo**. Слово, **разговор**. Eine Rede, Discurs.
 ВЛ 493: Rede, sermo, loquela, речь, слово, разговор.

Из этого следует, что наименование первой Риторике *разговор*, является переводом латинского риторического термина

sermocinatio. Переводческое решение Ломоносова фактически совпало в данном случае с переводом Риторике 1620.

Итак, необходимо объяснить, по каким причинам вопреки терминологическому выбору номинации, отраженному в первой Риторике, а также вопреки данным словарей и риторик-источников, подтверждающим закономерность и правомерность этого выбора, Ломоносов в Риторике 1748 отказывается от своего первоначального наименования *разговор* и употребляет лексическую новацию *заимословие*. Для этого рассмотрим подробно дефиниции данной фигуры в риториках-источниках в сопоставлении с вариантами определения данной фигуры в ломоносовских текстах.

Говоря о фигуре сермоцинация, следует иметь в виду, что для ее обозначения в некоторых риториках употреблялось парное наименование, например, *sermocinatio, seu dialogismus*. В риториках-источниках его использует Помей. Если же рассматривать всю риторическую традицию в целом, то можно говорить о постоянном взаимодействии двух родственных фигур – сермоцинации и диалогизма, которое могло приводить и к их совпадению, и к раздельному описанию. Последний случай представлен у Готшеда: *sermocinatio* и *dialogismus* описаны у него как разные фигуры.

(17) Dialogismus. Wenn ein Redner mit seinem Gegner gleichsam streitet, ihn redend einführet, und ihm gleich darauf antwortet.

‘Диалогизм. Когда оратор со своим противником словно бы спорит, изображает его речь и сам ему отвечает’.

Ср. это с определением сермоцинации в примере № 19 ниже.

Как видим, здесь ничего не говорится об изображении размышлений и описание фигуры представляет собой, по существу, расширенный вариант определения сермоцинации с явным подчеркиванием ситуации диалога, изображения реплик двух разговаривающих друг с другом «персон». Не представлено ли здесь переосмысление фигуры на основе переосмысления мотивирующего признака: *dialogismus* понимается как суффиксальное производное от *dialogus*? Если это так, то перед нами еще одно направление и еще один интересный результат взаимодействия данных фигур.

Приведем теперь дефиниции фигуры из риторик-источников. В риторике Помея представлено следующее определение сермоцинации:

- (18) *Sermocinatio, seu Dialogismus, est ficta personarum collocutio; sive solus unus loquatur, sive plures inducantur simul colloquentes.* (Pomey: 129).

‘Сермоцинация, или Диалогизм, это выдуманный разговор, когда или только один говорит, или вводятся несколько разговаривающих лиц’.

Готшед (Gottsched: 288):

- (19) *Sermocinatio. Wenn man verstorbene Personen redend einführt...*
‘Сермоцинация. Когда вводят умерших лиц, говорящих как живые’.

Определение Готшедда представляет собой краткую версию дефиниции Помея и использует ту же структурно-семантическую формулу с глаголом «введения» и зависимым номинативным компонентом со значением говорящего лица (у Готшедда с метонимическим уточнением значения **verstorbene Personen**): **plures inducantur simul colloquentes** (Помей), **man verstorbene Personen redend einführt** (Готшед).

Коссен использует термин и определение из трактата Юлия Руфиниана «De figuris sententiarum et elocutionis»:

- (20) *Dialogismos. Haec ita fit, cum quis secum disputat, et volutat, quid agat, vel quid agendum putet* (Caussinus: 386); тот же текст у Юлия, см.: RLM 1863: 43.

‘Эта фигура возникает, когда кто-либо сам с собою обсуждает и размышляет, что делать или о каком деле следовало бы подумать’.

В другом фрагменте своего трактата Коссен ограничивается следующей лаконичной формулировкой:

- (21) *Sermocinatio orationem effingit* (Caussinus: 430).

‘Сермоцинация представляет вымышленную речь’.

Термин и определение Юлия воспроизводятся и в риторике Софрония Лихуда в переводе на греческий:

- (22) Ὁ διαλογισμὸς ἐστὶν ἓνα σχῆμα τὸ ὁποῖον γίνεται οὕτω ὅταν τις μὲ τὸν ἑαυτὸν τοῦ διαλέγεται, καὶ στρέφει τὸν λογισμὸν. τί νὰ κάμνη, ἢ τί νὰ λογιᾶσῃ ὅτι χρειαῖ εἶναι νὰ κάμνη ἢ μοναχὸς τοῦ ὁμιλεῖ, ἢ πολλοὶ εἰσφέρονται ἀντάμα συνομιλῶντες (SR: 71 об.).

Необходимо сказать, что заключительная часть этой дефиниции (ἢ μοναχὸς τοῦ ὁμιλεῖ, ἢ πολλοὶ εἰσφέρονται ἀντάμα συνομιλῶντες) отсутствует у Юлия, но совпадает с определением

в риторике Помея. Текст Софрония Лихуда, таким образом, совмещает две формулировки, представленные в примерах №№ 18 и 20.

Итак, история фигуры сермоцинация и ассоциированной с ней фигуры диалогизм характеризуется, как уже было сказано, их взаимодействием, что отражается и в формулировках определений, которые могли уточняться, контаминироваться и переосмысляться, с выделением двух самостоятельных фигур (как у Готшеда) или описанием одной фигуры под одним или двумя наименованиями, но с возможностью варьировать смысловые акценты в дефиниции.

Тем интереснее, что дефиниция ломоносовских риторик не совпадает ни с одним из этих вариантов. Приведем формулировки Ломоносова из P1 и P2:

- (23) P1: *Разговор есть фигура, чрез которую отсутствующим персонам, как присутствующим, усопшим, равно как живым, и бездушным вещам, как одушевленным, речь придается* (Ломоносов 1952 VII: 62).
- (24) P2: *Заимословие бывает когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдается другому лицу, живому, либо мертвому, или и бездушной вещи* (Ломоносов 1952 VII: 270).

Как видим, в этих определениях не говорится об изображении мыслей, а что касается изображения речи, то вместо формулы введения говорящего лица используются сходные по смыслу выражения *речь придается* и *то, что ... говорить должно ... отдается*. В риторической традиции существуют аналоги этих выражений, и, возможно, первоисточником здесь является Риторика к Гереннию:

- (25) *Sermocinatio est, cum alicui personae sermo adtribuitur et is exponitur cum ratione dignitatis* (Rhet. Her. IV, 65).
 ‘Сермоцинация – это когда некоему лицу придается речь, и это представляется в соответствии с его достоинством и значением’.

Интересно отметить, что именно к этому варианту определения сермоцинации восходит краткая дефиниция в тексте Лоссия, переводом которого является Риторика 1620 года:

- (26) *Quid est Sermocinatio? – Est cum orationem personae alicui tribuimus* (Аннушкин 2006: 185).

‘Что такое сермоцинация? – Это когда мы придаем речь некоему лицу’.

Как видим, и в описании Ломоносова, и в латинском тексте используется одна и та же ключевая структурно-семантическая формула с главным компонентом – глаголом *давать/tribuo* или производным от него и зависимым компонентом – существительным или оборотом, обозначающим речь. Однако она используется – пусть и с небольшими различиями – в обеих риториках Ломоносова, и поэтому связать ее употребление с изменением наименования, на первый взгляд, не представляется возможным. И тем не менее такая связь есть.

Чуть выше мы обратили внимание на контаминацию определений в риторике Софрония Лихуда. Это единственный случай сочетания двух формулировок, которые в других текстах существуют самостоятельно и нигде не соседствуют с определением, восходящим к «Риторике к Гереннию». Иными словами, в риторической традиции имеются три относительно самостоятельные описания фигур сермоцинация и диалогизм, и одно из этих определений, которое восходит к тексту «Риторике к Гереннию», находится в отношении дополнительной дистрибуции с двумя другими, никогда не объединяясь с ними в пределах одной дефиниции. Аналогичное распределение формул мы найдем и у Ломоносова – если будем учитывать зачеркнутые варианты Рук 1747.

Текст рукописи 1747 года отражает работу Ломоносова над формулировкой определения и содержит несколько зачеркнутых вариантов. И среди них – словосочетание «введение лица». Полный контекст, в котором должно было быть употреблено это словосочетание, отсутствует, однако очевидно, что оно является переводом основной части описанной выше формулы из риторик Помея, Софрония Лихуда и Готшеда: **plures inducantur simul colloquentes** (Помей), **πολλοὶ εἰσφέρονται ἀντάμα συνομιλῶντες** (Софроний), **man verstorbene Personen redend einführt** (Готшед).

Как мы видели, ни в Р1, ни в окончательном варианте текста Р2 это словосочетание не используется, сохраняя и в рамках ломоносовских текстов отношения дополнительного распределения, описанные нами выше. С учетом этих отношений отказ от формулы «введения лица» в данном случае может быть интерпретирован как осознанный и окончательный выбор в пользу формулы «придания речи»: поскольку композит «заимословие» является ее лексическим и словообразовательным кор-

релятом, воспроизводя последовательностью корневых морфем структурно-семантическую модель данной формулы⁹. Таким образом, колебания в формулировке определения фигуры сермоцинация, отраженные рукописью 1747 года, и окончательный выбор в пользу ключевой формулы «придания речи», на которой основана дефиниция данной фигуры, привели к актуализации структурно-семантической модели данной ключевой формулы и использование ее (модели) в качестве признака терминации. Лексема *заимословие* была использована (возможно, специально изобретена Ломоносовым) как наилучшим образом отражающая данную модель.

Суспенция

Суспензией называется кратковременная задержка в развитии речи перед кульминацией, ср.: Москвин 2007: 746. Для обозначения этой фигуры Ломоносов использует лексемы *одержжание*, *удержжание* (в Р1) и *умедление* (в Р2). Из этих наименований только *удержжание* имеет соответствия в РитРЦ. Лексема представлена в риторике Софрония Лихуда, а однокоренная *задержжание* – в риторике Стефана Яворского. Наименование второй Риторике *умедление* или какие-либо однокоренные с ним лексемы в РитРЦ отсутствуют.

В риториках-источниках данная фигура имеет наименования: *sustentatio* (у Коссена и Помея), *paradoxon*, *hypomone* (у Коссена и Софрония Лихуда), *inopinatum* (у Коссена). В риторике Готшеда фигура отсутствует. Наименование Р1 *удержжание* ближе всего к наиболее распространенному в источниках латинскому термину *sustentatio*. Соответствие «*sustentatio* = *удержжание*» подтверждается материалами ИнСл:

(27) ЛЦ 345: Sustento. Содержу, удерживаю. Ich halte auf, trage, & ernähre, versorge.

Соответствия между наименованием Р2 *умедление* и каким-либо термином риторик-источников по материалам ИнСл установить не удается.

⁹ Даже если первый корень *заимословия* соотносится с глаголом *занять* в значении ‘взять’, а не ‘дать’, все равно предикаты *занять* и *дать* в рамках описываемой ситуации представляют собой семантическое единство с энантиосемическим отношением компонентов, которые являются, таким образом, взаимозаменяемыми: *заимствовать* (*взять*) *слово* (*у кого-л.*) = *придать* *слово* (*кому-л.*).

Таким образом, как и в случае с наименованием *заимословие*, необходимо объяснить, по каким причинам вопреки традиции РитРЦ, данным словарей и иноязычных риторик-источников, а также вопреки своему собственному первоначальному выбору в Р1 (*удержание* и префиксальный вариант *одержание*) Ломоносов в Р2 предпочитает лексему *умедление*. Для этого рассмотрим подробно определения данной фигуры в риториках-источниках.

Коссен приводит несколько определений к разным терминам, обозначающим данную фигуру:

(28) *Hypomone. Et paradoxon, quo suspenduntur auditorum animi* (Caussin: 398; со ссылкой на Аристиду).

‘Ипомона. И парадокс, который держит слушателей в недоумении’.

(29) *Paradoxon. Sive hypomone, sustentatio, vel inopinatum. Hoc schema suspendit sensum, deinde subiicit aliquid contra expectationem auditoris, sive magnum, sive minus, et ideo sustentatio, vel inopinatum dicitur* (Caussin: 403), воспроизводит дефиницию Юлия Руфиниана (RLM: 46).

‘Парадокс. Или ипомона, сусентация или неожиданное. Эта фигура держит в недоумении, а потом предлагает нечто противоположное ожиданиям слушателей, или нечто великое, или малое, и поэтому называется сустентацией или неожиданным’.

(30) *Sustentatio est dicti suspensio ad maiorem attentionem* (Caussin: 425).

‘Сусентация – это задержка речи для привлечения большего внимания’.

Pomey (Pomey: 136):

(31) *Sustentatio figura est, qua suspensos tenemus aliquandiu audientium animos, alia minora recensentes, et reijcientes, donec tandem, id, quod quasi animo conditum servabatur exponimus. Adhiberi autem solet haec figura, cum explicaturi sumus aliquid inusitatum, admirabile, aut inexpectatum; nisi forte quis joculari velit aut movere risum.*

‘Сусентация – фигура, с помощью которой мы некоторое время держим слушателей в неведении и недоумении, предлагаем незначительные аргументы и отвергаем их, до тех пор пока то, что утаивалось, не представим. Эта фигура обычно употребляется, когда мы собираемся рассказать о чем-то

необычном, удивительном или неожиданном; или же в случае, если кто-либо хочет пошутить или вызвать смех’.

Софроний Лихуд:

- (32) Ἡ ὑπομονή, ἢ παράδοξον εἶναι ἓνα σχῆμα μὲ τὸ ὁποῖον κρεμοῦμεν τὸ νόημα καὶ τὰς ψυχὰς τῶν ἀκροατῶν καμμία βολὰ κρατοῦμεν κρεμασμένας, κάποια μικρὰ διηγούμενοι καὶ ἀποβάλλοντες. ὅθεν ὑποβάλλομεν κανένα πράγμα ἐνάντιον τὸ πρὸς δοκέας τῶν ἀκροατῶν, ἢ μέγαν ἢ μικρὸν, διὰ τοῦτο καὶ λέγεται τοῦτο τὸ σχῆμα ὑπομονή ἢ ἀπροσδόκιστον (SR: 72 об.).

‘Ипомона или парадокс – фигура, с помощью которой мы некоторое время держим слушателей – их умы и души – в неведении и недоумении, предлагаем незначительные аргументы и отвергаем их, а потом предлагаем нечто противоположное ожиданиям слушателей, или нечто великое, или малое, и поэтому называется эта фигура сустенацией или неожиданным’.

Интересно отметить, что текст Софрония, также как и в случае с сермоцинацией, является контаминацией определения Юлия Руфиниана (воспроизведенного Коссеном, см. пример № 29) и определения из риторики Помея (№ 31), которые хотя и незначительно, но все-таки отличаются друг от друга. Действительно, начальный оборот *σχῆμα μὲ τὸ ὁποῖον κρεμοῦμεν τὸ νόημα* соответствует выражению *hoc schema suspendit sensum*, употребленному Юлием. А продолжение *τὰς ψυχὰς τῶν ἀκροατῶν καμμία βολὰ κρατοῦμεν κρεμασμένας* дословно соответствует латинскому тексту Помея *suspensos tenemus aliquandiu audientium animos* с сохранением темпорального распространителя (*καμμία βολὰ = aliquandiu*). Наличие этого распространителя и других совпадающих и сходных элементов позволяет указать источник данного выражения. Это текст «Наставлений оратору» Квинтилиана, в котором автор описывает фигуру в форме краткого комментария к отрывку из речи Цицерона против Верреса:

- (33) *Sed nonnunquam communicantes aliquid inexpectatum subiungimus, quod et per se schema est, ut in Verrem Cicero, quid deinde? quid censetis? furtum fortasse aut praedam aliquam? Deinde, cum diu suspendisset iudicum animos, subiecit, quod multo esset improbius. Hoc Celsus sustentationem vocat* (Quint. Inst. IX, 2, 22).

‘Но иногда, обращаясь <к слушателям или судьям>, предлагаем что-нибудь неожиданное; и это само по себе является фигурой, как у Цицерона в речи против Верреса: Что же далее? Как вы

думаете, что он совершил? Может быть, кражу или разбой? После чего, оставив судей в неведении и ожидании на продолжительное время, говорит о том, что намного хуже < и кражи, и разбоя>. Цельс называет это удержанием’.

Возвращаясь к определению из риторики Лихуда, заметим также, что, возможно, данная контаминация была осмысленной и основывалась на возможности отдельного и буквального перевода существительных *sensus* и *animus*. В результате синонимичные глагольные сочетания со значением ‘держать в недоумении, неведении’, будучи поставленными рядом в одном предложении, начинали осмыслялись как описывающие два аспекта, две стороны целостного процесса: речь идет уже и об уме, и о душе. Возможность такого «комплексного» понимания фигуры, с выделением специальных аспектов недоумения, была обусловлена существованием разных форм языкового воплощения одного значения и реализована в греческом тексте в виде их объединения в одном контексте.

Во всех приведенных определениях обнаруживается сходство. В основе описания фигуры лежит структурно-семантическое единство, состоящее из двух компонентов: 1) глагол/глагольное сочетание со значением удержания; 2) существительное в роли объекта, обозначающее слушателя (с метонимическим варьированием ‘слушатель/душа слушателя/ум слушателя’). Эта формула присутствует практически во всех источниках: *cum diu suspendisset iudicum animos* (Quint. Inst.), *paradoxon, quo suspenduntur auditorum animi* (Caussin 398), *hoc schema suspendit sensum* (Caussin 403), *figura est qua suspensos tenemus aliquandiu audientium animos* (Pomey), *σχῆμα μὲ τὸ οὐλοῖον κρεμοῦμεν τὸ νόημα καὶ τὰς ψυχὰς τῶν ἀκροατῶν καμμία βολὰ κρατοῦμεν κρεμασμένας* (SR).

Некоторое отклонение от данной формулы обнаруживается в определении Коссена в примере № 30, где, во-первых, представлено номинативное, а не глагольное сочетание, а во-вторых – и это самое важное – в семантической роли объекта (выраженного генетивом) выступает не слушатель, а сама речь (*sustentatio est dicti suspensio*).

Обращает на себя внимание и то, что между наиболее распространенным латинским названием фигуры (*sustentatio*) и ключевым компонентом опорной формулы имеется точное смысловое соответствие: они выражают значение удержания. Особо отметим, что в случае с глагольным сочетанием из определения Помея это соответствие становится лексическим –

на уровне корневых морфем: *sustentatio – suspensos tenemus .. animos*.

Продолжает эту линию «согласия» глагольного компонента формулы с наименованием и текст первой Риторике Ломоносова:

(34) Удержание фигура есть когда ритор слушателей или читателей долго в сомнении удерживает, представляя что-либо меньшее или противное предлагаемой вещи, а потом уже оную предлагает (Ломоносов 1952 VII: 59).

Что касается определения в P2, то оно, выражая в целом тот же смысл, что и предшествующее, отличается от него в формулировках:

(35) Умедление есть когда слово продолжается предложением меньших идей и сверх того иногда оных отражением и потом предлагается самое настоящее великое дело, для того чтобы слушатели или читатели, долго ожидавши, вдруг нечаянным восхищены были (Ломоносов 1952 VII: 271).

И наиболее важным здесь представляется отсутствие глагола *удержать* и вообще отсутствие структурно-семантической формулы, которая организовывала дефиниции риторик-источников. Коммуникативная ситуация характеризуется принципиально иным образом, на основе других признаков: речь оратора описывается как продолжающаяся (*умедление есть когда слово продолжается*), но с искусно (и искусственно) созданными препятствиями (в форме *предложения меньших идей и сверх того иногда оных отражением*), что приводит к сознательной задержке речи перед кульминацией. С нашей точки зрения, именно это переосмысление ситуации, соотносящейся с фигурой sustentatio, побудило Ломоносова выбрать наименование, которое в большей степени соответствует «новой версии» денотата.

Отметим также в заключении, что, несмотря на краткость третьего определения Коссена (пример № 30) именно оно – не текстуально, а с точки зрения значения ключевой формулы – ближе всего к определению P2, поскольку только в нем речь идет не о «удержании слушателей в неведении», а о ситуации задержки речи (*dicti suspensio*).

Приведенный материал не дает возможности установить причины, на основании которых произошло описываемое переосмысление. Однако нам важно было показать, как действует принципа корреляции между дефиницией и наименованием: они соответствуют друг другу в смысловом отношении (в P1 оно

выходит на лексический уровень) и когда меняется определение, меняется и название фигуры, лексически отражая новое понимание суспендации (в P2).

Претерития

Претеритией называется упоминание какой-либо информации в речи в форме притворного заявления о том, что она не будет упомянута, ср.: Москвин 2007: 524. Для обозначения данной фигуры Ломоносов использует лексемы *оставление* (в P1) и *прохождение* (в P2). Из этих наименований только *оставление* засвидетельствовано в РитРЦ: в Риторике 1620, риториках Михаила Усачева и Иоанникия Лихуда. В риториках-источниках данная фигура имеет наименования *praeteritio*, *paralepsis*, *antiphrasis* и *amissio*, которые распределены по текстам следующим образом: *praeteritio* – у Коссена, Помея и Готшеда; *paralepsis* – у Коссена и Софрония Лихуда; *antiphrasis* и *amissio* – у Коссена. Наименования Ломоносова ближе всего к наиболее распространенным в источниках латинскому термину *praeteritio* и греческому *paralepsis*. Латинское *amissio* также может соответствовать слову *оставление*, на что указывают материалы ИнСл с однокоренными лексемами в разных значениях:

- (36) ЛП 376 об.: Оставление. Зри отпущение; ЛП 354 об.: Отпущение, ἄφεσις, remissio.
 ВЛ 172: Erlassung, dimissio, remissio, отпущение, оставление; ВЛ 716: Unterlassung, intermissio оставление, престагие.
 ЛЦ 195: Missio. Посылание, оставление, прощение. Die Sendung, Erlassung.

Однако *оставление* и в церковнославянских риториках, и у Ломоносова соответствует именно греческой лексеме *paralepsis*, а не латинской *amissio*. Во-первых, в РитРЦ нет ни одного примера употребеления *amissio* в транслитерированном или оригинальном написании (в то время как лексема *paralepsis* в разных вариантах написания представлена в риторике Усачева, Козьмы Афоноиверского и церковнославянских переводах риторик братьев Лихудов); во-вторых в известных оригиналах славянских переводов она также не употребляется; наконец, в риториках-источниках это наименование приводится только у Коссена, и в самом этом тексте (также как и в первоисточнике – трактате Юлия Руфиниана, см. ниже пример № 39) дается лишь как вариант наименования без дополнительных комментариев

или самостоятельной статьи. Таким образом, в дальнейшем изложении мы будем рассматривать соотношения наименований Риторике Ломоносова с терминами *paralepsis* и *praeteritio* риторик-источников.

Соответствия *praeteritio* = *прохождение* и *paralepsis* = *оставление* подтверждаются материалами ИнСл:

- (37) ЛЦ 90: Praetereo. Прохожу. Vorbeugehen, übergehen.
ЛП 376 об.: Оставляю, περριλείπω .. relinquo, remitto.

Кроме того, соответствие *paralepsis* = *оставление* находим в текстах РитРц. В риторике Усачева связь греческой и русской лексемы представлена в самом тексте, поскольку греческий термин является заглавием статьи, после которого дана русская глосса *оставление*: «(Π)αράληψις, оставление ... ». Более сложной является ситуация в тексте Риторике 1620. Наименования, употребленные в начале статей в церковнославянском переводе и латинском оригинале, неожиданно образуют соответствие *praeteritio* = *оставление*:

- (38) ***Praeteritio*** .. est, cum simulamus nos aliquid relinquere, aut omittere .. Graeci vocant παράλειψιν (Аннушкин 2006: 180).
‘Оставление есть егда лицемерствуем, яко же некия оставляем или отпускаем ... грекове нарицают паралипсон’ (Аннушкин 2006: 80).

Однако формулировка дефиниции *simulamus nos aliquid relinquere* позволяет предполагать, что русское наименование в данном случае возникло не как перевод латинского *praeteritio*, а как лексический коррелят описания фигуры, в котором употреблено слово со значением ‘оставлять’ (*relinquere*). Строго говоря, на основании одного этого примера трудно судить о том, использовал ли переводчик слово *оставление* как эквивалент латинского *praeteritio*, как лексический коррелят описания (безотносительно латинского названия фигуры), или как эквивалент греческого παράλειψις, которое тоже употреблено в этом описании, хотя и в другой текстовой позиции – в конце статьи (см. выше в примере). Все эти три объяснения равновероятны.

В греческом оригинале риторике Софрония Лихуда использован термин παράλειψις (в рукописи παράλυσις). В церковнославянском переводе в списке РНБ О. XV. 8 находим следующую цепочку наименований в начале статьи: *Паралипсис. Praeteritio или Мимоществие*. В переводе риторики Иоанникия Лихуда немного иначе: *Паралиψис (Оставление), сиречь Пред-*

*взятие*¹⁰. Соотношение русских и иноязычных лексем, представленное в этих фрагментах, можно объяснить следующим образом. Употребление латинского параллельного названия *praeteritio* (отсутствующего в оригинале) в списке церковнославянского перевода риторики Софрония отражает широкое распространение латыни в качестве языка науки и образования в 18 веке. Русское *мимошество* является калькой именно латинской лексемы. Это подтверждается не только соответствием морфем, но и данными других риторик. Действительно, церковнославянские тексты, списки которых не отражают «вторжения» латинской терминологии в исконно греческие наименования, употребляют славянскую лексему *оставление* и не используют *мимошество*. Сюда относятся риторики Михаила Усачева и Козьмы Афоноверского. Напротив, в риторике Стефана Яворского, переведенной на славянский с латинского оригинала, находим двойное наименование *уступление, мимошество*. Употребление лексемы *уступление* может быть объяснено несколькими способами (в том числе как результат смешения переводчиком фигур *Concessio* и *Praeteritio*), но *мимошество* в рамках описываемого распределения номинаций соотносится скорее всего с *praeteritio* латинского оригинала риторики. Таким образом, у нас есть основания считать пару «*praeteritio* – *мимошество*» латинским компонентом в тексте церковнославянского перевода риторики Софрония, попавшим туда в результате того, что употребление латинского языка в определенных жанрах и ситуациях приобретает статус социолингвистической нормы.

Последовательность наименований у Иоанникия имеет другое объяснение. Лексема *предвзятие*, употребленная в качестве основного русского эквивалента, является на самом деле калькой наименования другой фигуры, которая по-гречески называется *πρόληψις* (с дифтонгическим вариантом написания *πρόλειψις*). В РитРЦ она называется по-разному, но варьирование связано только с корневой морфемой, неизменным же компонентом является приставка *пред-*: *предприятие* (Риторика 1620), *предварение* (риторика Михаила Усачева), *предразумение* (риторика Козьмы). Таким образом, при переводе произошло смешение греческих лексем *παράλειψις* и *πρόληψις* (или *πρόλειψις*) на основании сходства их написания. Это привело к появления кальки *предвзятие* не на «своем» месте. Ошибка

¹⁰ Слово *оставление*, заключенное нами в квадратные скобки, находится на поле под выносным знаком.

была замечена и исправлена при помощи маргиналии *оставление*, которая восстанавливает закономерное и правильное соотношение греческого названия *παράλειψις*, употребленного в начальной позиции, и русского перевода этого названия. Таким образом, несмотря на некоторую осложненность отношений между оригинальными терминами и русскими эквивалентами, обусловленную использованием латинских параллелей и переводческими ошибками, данные лихудиевских риторик также подтверждают соотношение *paralepsis* = *оставление*.

Необходимо заметить, что в исторических словарях русского языка у производящего глагола *оставляти* отмечается значение, соответствующее содержанию риторической фигуры претерития. В «Материалах для словаря русского языка» И. И. Срезневского в качестве одного из значений *оставляти* указано ‘оставлять в стороне, пропускать, не упоминать’ (приведенный пример из Григория Назианзина является бесспорным подтверждением данного значения, а греческим соответствием выступает здесь глагол ἔειπεν: Оставляю ино колико и каково на мужа укори (Срезневский II: 737)). Значение ‘пропускать, опускать’ отмечено для *оставляти* в Словаре русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII 13: 141) и Словаре русского языка XVIII века (СРЯ XVIII 17: 148–149).

У лексемы *прохождение* и глагола *проходить* данное значение не отмечается. Однако близкий в формальном и смысловом отношении глагол *прейти* зафиксирован в Словаре русского языка XVIII века в сочетании *прейти молчанием* с аналогичным значением ‘воздержание от сообщения’ (СРЯ XVIII 13: 19).

Таким образом, оба ломоносовских наименования (*оставление* и *прохождение*) соответствуют каждое своему исходному иноязычному термину (*paralepsis* и *praeteritio*), и кроме того их употребление в качестве названия фигуры претерития оказывается мотивированным с точки зрения общезыковых значений. В этих условиях отказ от наименования первой Риторике *оставление* и выбор в пользу *прохождение* выглядит как предпочтение латинского термина («скрывающегося» за русской калькой) греческому. Такое объяснение, возможно, соответствовало бы оно и общей тенденции усиления латинского влияния в русской культуре. Более того, несмотря на некоторое несоответствие масштаба сопоставляемых процессов («глобальная» смена культурных парадигм, с одной стороны, а с другой – изменение наименования одной риторической фигуры), именно в данном случае согласие «общего» и «частного»

могло бы получить вполне конкретное подтверждение. Выше мы подробно рассматривали цепочки наименований из церковнославянских переводов риторик Софрония и Иоанникия Лихудов и отметили «вторжение» латинского компонента в традиционные греческо-русские соответствия. Следует заметить, что эта ситуация последовательно отражена в списке О. XV. 8 практически для названий **всех** фигур, являясь наглядным примером латинской «доминанты» в русском риторическом дискурсе 18 века. Впрочем, общее объяснение может быть в данном случае уточнено сопоставлением дефиниций фигуры в риториках-источниках и Риторике Ломоносова.

Коссен использует термины и определения Юлия Руфиниана и Акилы Римлянина:

(39) *Antiphrasis. Est figura sententiae, cum quaedam negamus nos dicere, & tamen dicimus .. Latine dicitur amissio* (Caussinus: 379); см. дефиницию Юлия (RLM: 62).

‘Антифразис. Фигура предложений, когда мы заявляем, что не будем говорить о чем-то, и об этом все-таки говорим .. Полатыни называется амиссией’.

(40) *Paralepsis. Praeteritio. Frequens est huius figurae usus, ubi quasi praetermittentes quaedam, nihilominus dicimus* (Caussinus: 403); см. дефиницию Акилы (RLM: 24).

‘Паралепсис. Претеритио. Эта фигура часто употребляется, когда мы как бы не упоминаем о чем-то и тем не менее говорим об этом’.

В риторике Помея находим следующую формулировку¹¹:

(41) *Praeteritio, figura est, quae fit, cum profiteamur nos praeterire, aut nescire, aut nolle dicere, quod tum maxime dicimus* (Pomey: 122).

‘Претерития – фигура, которая возникает, когда мы заявляем, что не будем упоминать о чем-то, или не знаем чего-то, или не хотим говорить, о чем затем все-таки говорим с еще большей силой’.

Готшед (Gottsched: 284):

(42) *Praeteritio. Wenn man sich stellet, als wollte man von einer Sache gar nichts sagen; aber eben damit eine Nachricht davon giebt.*

¹¹ Формулировки из риторики Помея и риторики Софрония Лихуда текстуально совпадают.

‘Прохождение. Когда притворяются, как будто бы ничего не хотят говорить о какой-нибудь вещи, однако этим и сообщают о ней некие сведения’.

В текстах Ломоносова находим следующие определения фигуры:

- (43) P1: *Оставление есть фигура, когда оратор, аки бы не хотя упомянуть какой-нибудь вещи, тем самым важнее и сильнее оную представляет* (Ломоносов 1952 VII: 61).
- (44) P2: *Прохождение есть когда притворяемся, якобы мы говорить о чем не хотели, однако тем самым оное живо представляем* (Ломоносов 1952 VII: 276).

Заметим, что определение P2 производит впечатление лексико-синтаксической трансформации формулировки P1. В результате в P2 получился вариант немного более распространенный, но ничем существенным от варианта 1744 года не отличающийся. Однако сопоставление с дефинициями риторик-источников позволяет обнаружить некоторые значимые текстуальные различия между двумя ломоносовскими формулировками.

Во-первых, употребление структурно-семантической формулы «глагол *хотеть* с отрицанием + инфинитив глагола говорения» позволяет объединить определения Помея (и греческий перевод Софрония), Готшеда и Ломоносова: **не хотя упомянуть** (P1), **говорить** о чем **не хотели** (P2), (*profitemur*) **nos .. nolle dicere** (Помей), **als wollte man .. nichts sagen** (Готшед). В кратких формулировках из риторики Коссена данные обороты и данный глагол отсутствуют.

Тексты Помея и Риторики 1744 объединяет еще одна черта – использование наречия степени в заключительной части дефиниции: у Помея в сочетании *maxime dicimus*, а в P1 в сочетании **важнее и сильнее ... представляет** (с совпадением грамматической характеристики – не положительная степень сравнения наречия и в латинском, и в русском текстах). Данное соответствие является уникальным для риторик-источников, объединяет только тексты Помея и Ломоносова и более нигде не встречается. В P2 сочетание *важнее и сильнее ... представляет* заменяется сочетанием *живо представляет*. Наречие *живо* не является точным соответствием латинскому *maxime*, но данная замена объяснима и закономерна с точки зрения лексической сочетаемости внутри самих ломоносовских текстов: сочетания лексем с основами *жив* и *представ* в них можно отнести к числу

устойчивых. Приведем несколько примеров только из текстов Риторик (Ломоносов 1952 VII: 169; 185; 235):

- (45) *Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания; бедное его состояние живо представить; вымыслы весьма живо представляются.*

Есть еще одно уникальное лексическое соответствие между текстом Ломоносова и текстом иноязычного источника, однако в данном случае объединяются уже вторая Риторика и риторика Готшеда. В Р2 в начальной части определения появляется глагол *притворяться*, который отсутствует у Помея и Коссена и который находим только в тексте немецкого автора, ср:

- (46) Прохождение есть когда **притворяемся**
Praeteritio. Wenn man sich stellet

В формулировке Помея находим другой глагол – *profiteor* (см. пример № 41), а конструкция с оборотом *accusativus cum infinitivo* (*profitemur nos ... nolle dicere*) в смысловом и грамматическом отношении аналогична обороту *negamus nos dicere* из риторики Коссена (см. пример № 39). В другой дефиниции Коссена употреблена другая конструкция, но также без глагола со значением ‘притворяться’ (см. пример № 40).

Использование Ломоносовым риторики Готшеда при описании данной фигуры подтверждается еще одним уникальным соответствием, но уже не в дефинициях, а в иллюстративной части описания. В Р2 в качестве примера приводится фрагмент из надгробной речи маршалу Тюренну, автором которой является Эспри Флешье, известный французский церковный деятель и оратор 17 века, речи которого пользовались огромной популярностью. Обязательной частью риторического канона они не стали, однако Готшед включил многочисленные фрагменты из речей Флешье в свой трактат, переведя их на немецкий.

Сравнение показывает идентичность перевода Ломоносова и немецкого перевода отрывка из речи Флешье. А с учетом того, что данный отрывок использован в обеих риториках для иллюстрации одной и той же фигуры, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что именно риторика Готшеда была источником данного примера в Риторике Ломоносова.

Ломоносов (Ломоносов 1952 VII: 276):

- (47) *И Флешье в надгробном слове маршалу де Тюренну: Не ожидайте, господа мои, чтобы я вам открыл здесь печальное позорище и представил бы вам сего великого героя посреде*

своих победительных знаков бездыханна и чтобы я показал вам бледное и окровавленное тело, дымящееся еще от оной молнии, которая его поразила.

Готшед (Gottsched 1736: 284):

- (48) *Ein recht schönes Exempel giebt Fleschier: Erwarten sie nicht, meine Herren, daß ich ihnen hier eine Trauerbühne eröffnen soll; daß ich ihnen diesen großen Held auf seinen Siegeszeichen entseelet vorstellen werde; daß ich ihnen noch den blassen und blutigen Körper zeigen solle, bei welchem der Blitz noch rauchet, der ihn getroffen hat.*

‘Прекрасный пример дает Флешье: Не ожидайте, мои господа, что я вам открою здесь печальную сцену; что я вам представлю этого великого героя бездыханного среди своих трофеев; что я вам покажу бледное и окровавленное тело, рядом с которым еще дымится молния, поразившая его’.

Наиболее существенное отличие между немецким и русским текстами заключается в замене выражения *Körper .. bei welchem der Blitz noch rauchet* (‘тело, рядом с которым еще дымится молния’) на *тело, дымящееся еще от ... молнии*. Как видим, в переводе Ломоносова меняется субъект: *Blitz rauchet* ‘молния дымится’ → *тело, дымящееся*. Однако данная трансформация (метонимическая в своей основе) не представляет ничего необъяснимого или неожиданного, и, кроме того, вполне согласуется с естественнонаучными законами, которыми Ломоносов, видимо, не мог пренебречь и в жанре риторического трактата: дымится, конечно, не молния, а то, во что она попадает и те, которых она поражает – даже в образном контексте.

Таким образом, лексическое соответствие (*maxime = важнее и сильнее*) между текстом Помея и первой Риторикой, являющееся уникальным для риторик-источников, доказывает использование дефиниции латинского трактата во время работы над Риторикой 1744. Лексическое соответствие (*притворяться = sich stellen*) между текстом Готшета и второй Риторикой, также являющееся уникальным для риторик-источников, и использование одного и того же отрывка из Флешье в идентичной функции (иллюстрация фигуры претерия) доказывают, что для работы над Риторикой 1748 Ломоносов привлекал текст немецкого автора. При этом особенно важно то, что обе текстуальные параллели между Ломоносовым и Готшедом характеризуют только вторую Риторику и отсутствуют в первой. Из этого следует, что целенаправленное использование текста

немецкой риторики для описания данной фигуры имело место только во время работы над Р2 (что, естественно, не отменяет факта знакомства с трактатом Готшеда до этого, и скорее всего, еще в Германии). В тексте Готшеда употребляется только латинское наименование *praeteritio*, калькой которого является *прохождение*. Употребляется оно и у Помея, к тексту которого близко определение первой Риторике. И здесь нужно будет еще раз сказать о греческой «версии» данного текста, представленного в риторике Софрония Лихуда. Действительно, описания фигуры у Помея и Лихуда текстуально совпадают. Единственное различие между ними заключается в наименовании: Софроний использует традиционное греческое *παράληψις* (в рукописи – *παράλυσις*), а Помей – латинскую параллель *praeteritio*. Но именно это различие и дает расхождение в русских номинациях *оставление* vs. *прохождение*. Таким образом, риторика Софрония Лихуда оказывается тем текстом, 1) который обнаруживает специфические черты в определении фигуры, объединяющие его с риторикой Помея и первой Риторикой Ломоносова и 2) который использует вариант наименования, дающий в церковнославянских переводах номинацию *оставление*, употребленную и Ломоносовым в тексте своей первой Риторике. Мы бы хотели особо отметить этот факт, сближающий тексты первой Риторике 1744 и Софрония.

Что же касается изменения наименования в Риторике 1748, то целенаправленное использование конкретного источника – трактата Готшеда – при работе над текстом Р2 могло привести к тому, что и термин, употребленный в тексте-образце, стал рассматриваться в качестве более предпочтительной основы для номинации. Языковая «прозрачность» отношений между *praeteritio* и *прохождение*, а также тот факт, что они могли восприниматься как часть переводческого узуса (на что указывают данные Лексикона Целлария, см. пример № 37) определили окончательный выбор.

Проведенный анализ четырех фигур, наименования которых в Риторике 1748 были изменены сравнительно с Риторикой 1744, показал существование корреляции между ключевой структурно-семантической формулой дефиниции и наименованием фигуры. Наименование может непосредственно соотноситься с определением фигуры в тексте Риторике, когда в нем актуализируется одна из традиционных и использованных в риториках-источниках определений (как в случае с *заимословием* – наименованием сермоцикации); может соотноситься с

такой традиционной формулировкой, даже если она отсутствует в тексте определения, и в этом случае являться своего рода дополнительным элементом описания фигуры (как в случае с *умолчанием* и *перерывом* – двойной номинацией апосиопезы); может содержательно соответствовать определению без непосредственных лексических параллелей (как в случае с *умедлением* – наименованием сустентации). Иной принцип представлен в изменении названия претериции. В отличие от предшествующих случаев здесь Ломоносов калькирует латинскую исходную лексему. При этом калька и определение фигуры не имеют непосредственных связей на лексическом или формульном уровне. Если рассматривать данное изменение в контексте влияния источников, то можно сделать вывод о том, что целенаправленное использование одного из источников (и в том числе примера из данного источника – примера, который не входит в риторический канон) может влиять и на выбор номинации, которая в таком случае не обнаруживает явных семантических «переключек» с дефиницией и, как это было характерно для предшествующей церковнославянской традиции, непосредственно калькирует исходный термин.

Источники

- Аннушкин 2006 – В. И. Аннушкин. Первая русская риторика XVII века: Текст. Перевод. Исследование. 2-е изд. М., 2006.
- Ломоносов 1952 VII – Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Риторика Иоанникия Лихуда – Российская национальная библиотека, Софийское собрание, № 1558, (рукопись).
- Риторика Козьмы Афоноверского – Российская национальная библиотека, Q. XV. 1, (рукопись).
- Риторика Михаила Усачева – Государственный исторический музей, собрание Щукина, № 803, (рукопись).
- Риторика Софрония Лихуда – Российская национальная библиотека, O. XV. 8, (рукопись).
- Риторика Стефана Яворского – Стефан Яворский. Риторическая рука // ОЛДП. СПб., 1878. Т. XX.
- Caussin – Caussin N. De eloquentia sacra et humana libri XVI. Editio quinta, non ignobilior pracedentibus. Lugduni, 1637.
- Gottsched – Gottsched J. Ch. Ausführliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer, geistlichen und weltlichen Rednern zu gut, in zweenen Theilen verfasst und mit Exempeln erläutert. Leipzig, 1736.
- Pomey – Pomey F. A. Candidatus Rhetoricae, seu Aphthonii progymnasmata, in optimam formam usumque redacta. Monachii, 1664.
- RLM – C. Halm. Rhetores Latini minores. Lipsiae, 1863.

SR – Σωφρονίου ἱερομονάχου Λειχούδου τοῦ Κεφαληνέως .. Περὶ τῆς ῥητορικῆς δυνάμεως ἤτοι περὶ ῥητορικῆς θείας τε καὶ ἀνθρωπίνης (рукопись Российской национальной библиотеки, собрание Санкт-Петербургской духовной академии, Б. П. 10).

Литература

- Аннушкин 2003 – Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М., 2003.
- Вознесенская 2004 – Вознесенская И. А. Греческие школы Иоанникия и Софрония Лихудов в начале XVIII в.: диссертация .. кандидата исторических наук. М., 2004.
- Вознесенская 2007 — Вознесенская И. А. Рукописные грамматики братьев Лихудов из библиотеки Ф. А. Толстого // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 1. М.: СПб., 2007. С. 204–208.
- Григорьева 2012 – Григорьева И. Л. К вопросу о характере одного рукописного учебного пособия Новгородской школы братьев Лихудов // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: материалы XXIV Международной научной конференции, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012.
- Григорьева, Салоников 2001 – Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // Лихудовские чтения: материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. Великий Новгород, 2001.
- Михайлова 1997 – Михайлова А. Ф. Трактат братьев Лихудов «О поэтическом или метрическом искусстве» // Балканские чтения – 4. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1997. С. 77 – 79.
- Рамазанова 2003 – Рамазанова Д. Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии: диссертация .. кандидата исторических наук. М., 2003.
- Рамазанова 2007 – Рамазанова Д. Н. Новый греческий список «Риторики» Софрония Лихуда (предварительные замечания) // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 1. М.: СПб., 2007. С. 198–203.
- Рамазанова 2008 – Рамазанова Д. Н. Греческие списки сочинений основателей Славяно-греко-латинской Академии братьев Лихудов в рукописных собраниях Одессы и Харькова // Вісник Одеського Національного університету. 2008. Т. 13. Вип. 8. Серія Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. Одеса. С. 151–161.
- Рамазанова 2014 – Рамазанова Д. Н. Рукопись Греч. 736 РНБ – «Риторика» Герасима Влаха или Софрония Лихуда // «Слова и золотая вязь ...». Сборник статей памяти В. М. Загребина (в печати).
- Салоников 2010 – Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов при Феофане (Прокоповиче): обзор документов ГАНУ и архива СПб Института истории РАН // Лихудовские чтения: материалы научной конференции «Третьи Лихудовские чтения». Великий Новгород, 31 мая – 02 июня 2010 г. (в печати).
- Фонкич 1988 – Фонкич Б. Л. Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М. С. 61 – 70.

- Фонкич 2000 – Фонкич Б. Л. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 237 – 298.
- Фонкич 2001 – Фонкич Б. Л. К вопросу о соотношении академии Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева и академии братьев Лихудов // Лихудовские чтения: материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11 – 14 мая 1998 г. Великий Новгород, 2001. С. 28 – 30.
- Фонкич 2009 – Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.
- Яламас 1992 – Яламас Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России: диссертация .. кандидата филологических наук. М., 1992.
- Яламас 2001 – Яламас Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: диссертация .. доктора филологических наук. М., 2001.

Словари

- ВЛ – Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон... СПб., 1731.
- ЛП – Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный... М., 1704.
- ЛЦ – Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом... СПб., 1746.
- Москвин 2007 – Москвин В. П. Выразительные средства русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2007.
- Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–29. М., 1975–2011.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Т. 1 – 19. Л., СПб., 1984–2011.
- Хазагеров 2009 – Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М., 2009.

K. Lemeshev. Denominations of the figures of thought in Lomonosov's Rhetoric

Denominations used by Lomonosov for the figures of thought are only Russian lexemes but in most cases they correspond to Latin and Greek terms, being calques and equivalents, and can be found in preceding Church Slavonic translations of European rhetoric treatises. However, some denominations deviate from this traditional and straight correspondence. The paper considers possible reasons for such shift in the denomination principle.

Keywords: Lomonosov, 18th century Literary Russian, historical terminology, rhetoric, figures of thought.